

Интервью с Майнат Курбановой (Абдулаевой)

В поисках информации об убитой журналистке А. С. Политковской редакции «Wächterpreis» удалось задать несколько вопросов одной из ее близких подруг, Майнат Абдулаевой (Курбанова), бывшему корреспонденту «Новой Газеты». С 2004 года Майнат живет в Германии, где является стипендиаткой программы «Writers in Exile» и пишет книгу воспоминаний.

vsvet (ansTageslicht.de): Майнат, насколько известно из различных источников, Вы и Анна Степановна работали в одной газете и были на протяжении всего времени подругами.

Вы знаете, я не могу сказать, что мы были подругами. Вообще, насколько я знаю, у Анны Политковской не было в журналистских кругах подруг. Т.е. у нее были друзья, подруги, но в основном это были очень близкие люди. А ее самые близкие подруги - женщины, которые вместе с ней учились и дружили всю жизнь. Конечно, я бы считала за честь, быть подругой Политковской, но мы были хорошими знакомыми с того момента, когда я начала свою деятельность в Новой Газете. С тех пор мы очень часто встречались в Москве, в Чечне и в Ингушетии при различных обстоятельствах.

vsvet (ansTageslicht.de): Расскажите, что за личность была Анна Политковская? Были ли у нее какие-то страхи? Были ли у нее мечты? Что побуждало ее заниматься тем, что привело в конечном итоге к печальному исходу?

Первое мое знакомство с Анной произошло в октябре 1999, когда Чечня была плотно блокирована и все въезды и выезды в стране были перекрыты. Колонны с беженцами, пытавшимися покинуть территорию Чечни, активно бомбились авиацией. Как раз в это время я поехала в Ингушетию и также как и большинство, не могла вернуться в Чечню, так как дорога назад была уже закрыта. В те тревожные и страшные дни на границе толпились тысячи людей: одним хотелось выехать из Чечни, другим – въехать. И, конечно же, на границе находилось очень много журналистов как российских, так и иностранных.

И вот я увидела седую, красивую женщину, которая очень внимательно слушала беженцев, обступивших ее. Беженцы были очень взбудоражены, так как российские журналисты, да и любой русский человек были для них зачастую олицетворением военной машины, власти. Женщина с очень внимательным, умным лицом слушала этих людей. Видно было, что она еще молода, но волосы ее были уже седыми. Меня потрясло в ней то внимание, с которым она выслушивала этих людей и ее лицо. Есть лица, в которых ты ничего не видишь: ты видишь человека, но ничего не можешь разглядеть за этим лицом, а есть лица, в которых отражается характер, судьба и воля. И у Анны было именно такое лицо. Следующая наша встреча произошла уже в редакции Новой Газеты.

По статьям Анны видно, что она была сильным человеком, потому что немногие могут проходить снова и снова эти круги ада чеченской действительности, снова и снова ездить туда, несмотря на угрозы и преследования, на обвинения, грязные публикации, проплаченные в околоремлевских СМИ и весь поток грязи российского интернета. Только сильный человек, внутренне сильно убежденный в правильности того, что он делает, мог продолжать так работать.

Когда я вспоминаю Анну, то вспоминаю в первую очередь ее звонкий и добрый смех. Она не была забитой, замученной и озлобленной Чеченской Войной. Все, о чем она писала, она проносила через себя. Перед ее кабинетом в редакции Новой Газеты всегда толпилось много посетителей, и она всегда старалась им посильно помочь. Часто это были люди, потерявшие любую надежду на правосудие. Станным образом эти люди находили облегчение в том, что Анна Степановна о них писала или могла написать об их судьбе или

жили надеждой, что о них напишут. В Анне они видели человека, которому можно доверять, и которому не безразлична их судьба.

Подытоживая, хотелось отметить, что как специалист, военный журналист она была честной, прямой, жесткой. Как женщина она была светлым, добрым и красивым человеком.

vsvet (ansTageslicht.de): Жизнерадостной ее можно было назвать?

Ее жизнерадостность была особого характера, потому что человеку, который так много видит смерти и близко ходит от нее сам, который так близко соприкасается с человеческим горем каждый день, очень трудно оставаться на протяжении всего времени жизнерадостным. Если рассказывать об этих ужасных вещах в сытой и довольной Москве, то тебе просто даже не верят даже в их правдивость. На самом деле они происходят, и она их видела своим взглядом. Человек, который живет такой жизнью, радуется каждому дню, он ценит жизнь и светлые моменты, которые эта жизнь дает. И в этом смысле, с таким особым видом жизнерадостности, она была таким человеком. Я думаю, в последние годы, когда было совершенно ясно, что она ходит по острию ножа, она была благодарна судьбе за каждый день. У нее было 2 детей, и она очень их любила и очень ждала внуков, потому что когда ее убили, ее дочь ждала ребенка. У ее дочери родилась девочка, которую называли Анной.

vsvet (ansTageslicht.de): Анна Политковская бывала очень часто в Чечне, насколько известно, больше 50 раз. Скажите, Вы бывали вместе с Анной Степановной в одной из боевых командировок в Чечне? Не могли бы Вы рассказать поподробнее об одной из таких?

Я работала в Чечне собственным обозревателем Новой Газеты, поэтому в Москве бывала чаще всего наездами, два-три раза в году. Но когда Политковская приезжала в Чечню, то мы часто с ней встречались.

Например, однажды в 2002 году, когда Анна находилась в одной из ее поездок в Чечне, на территории Ачхой-Мартановского района нашли очередное массовое захоронение. Местные власти пытались, конечно же, скрыть факт нахождения гробницы. Но мы все равно направились туда, нашли местных жителей, которые показали нам место, где были обнаружены тела шести человек. У найденных были связаны за спиной руки. Трупы отвезли в местную мечеть, обычно всегда так и делали по местным традициям, потому что опознать тела было почти всегда невозможно. В мечети стоял вой, женщины плакали, пытались опознать похищенных или пропавших бесследно сыновей среди найденных трупов.

Я и Анна, наверное, были два человека, которые там не плакали. Когда я однажды об этой рассказывала, один знакомый меня спросил, почему же мы не плакали. Я ответила, что в тот момент, когда ты начинаешь плакать на войне как журналист, то дальше уже не можешь работать, тебя охватывает истерика, и ты поддаешься ей, позволяешь овладеть собой, и это парализует твою волю полностью. Я не знаю, как Аня, но я плакала ночью. В том числе и потому, что я абсолютно была уверена, что однажды я тоже буду лежать в такой неопознанной яме. И это просто вопрос времени, когда со мной это случится. В таких не совсем приятных обстоятельствах опыт нашей совместной работы и заключался.

vsvet (ansTageslicht.de): Вы уже немного затронули ситуацию с пропуском в Чеченскую Республику в 1999 году, когда Чечню полностью заблокировали или пытались это сделать. Попасть в Чечню не для каждого журналиста представлялось возможным. Контроль, пропуск, аккредитация... Территория была закрыта для посторонних. Не всегда ведь было возможным получить разрешение на въезд. На Ваш взгляд, чем должен обладать репортер, чтобы проникнуть в Чечню?

В первую очередь, это небезопасно. Но если человек хочет попасть в Чечню, то это было даже в самое тяжелое время возможно. В то время, о котором я вам рассказывала, являлось началом войны, когда активные военные действия еще не начались. Российские войска пока брали

Чечню в кольцо и готовились к наступательным операциям. Конечно, Грозный уже бомбили. Бомбились и колонны беженцев. Был приказ никого не впускать и никого не выпускать.

До сих пор распространяется запрет журналистам посещать Чечню без официальной аккредитации в Москве. Но даже в самое тяжелое время корреспонденты спокойно могли посещать Чечню при условии, если они давали взятки на российских блокпостах. Чтобы представить это, нужно знать элементарно уровень коррумпированности российской Армии, которая наводит в Чечне порядок. Через каждый километр или два стоят блокпосты, на которых ты просто...если ты едешь на машине, то ты даже не выходишь из машины, ты вкладываешь в свой паспорт 10 рублей или, в зависимости от сложности военно-политической ситуации, 20, 30 или максимум 100 рублей. Проверяющие берут паспорт, открывают его, достают из него деньги, возвращают документ и желают тебе «счастливого пути». Журналисты, кот ездили туда, прекрасно все знают.

Тогда в самой Чечне не было ни аэропорта, ни железнодорожного вокзала. Журналисты, в том числе и Анна Степановна, долетали до Ингушетии. А оттуда на машине в Чечню, просто платя эти жалкие 10 рублей на каждом посту. Если же журналист не желал, чтобы знали, что он журналист и тем более, иностранный или российский, то нужно было просто сказать на посту, что паспорт оставил дома и протянуть в окошко пятьдесят рублей - стабильная плата за отсутствие паспорта вообще.

Впоследствии Анну Степановну уже очень хорошо знали в Чечне. У нее были свои друзья в Чечне. В аэропорту ее кто-нибудь обязательно встречал, чтобы она сама с ее замечательной сединой не светилась на блокпостах. Конечно, она носила на голове платок, конспирировалась, как и все женщины-журналисты в Чечне. Взятки подавала не сама, а водитель. Анна ночевала всегда у разных людей, соблюдала весь комплекс мер, необходимых для безопасности. Человек на войне получает колоссальный опыт по безопасности и тем мерам, которые он должен предпринимать, чтобы его не арестовали и не расстреляли. Она всегда была осторожной, слушала советов местных жителей, которые лучше знали ситуацию и рекомендовали, как лучше поступать.

vsvet (ansTageslicht.de): В западных СМИ убийство Политковской связывают с ударом по демократии. Ее имя очень известно здесь. Скажите, была ли она так же популярна в России?

Анна Политковская была очень известна в России. Ошибочно считать, что Политковская была известна только по ее чеченской работе. В последние годы она очень много и убедительно писала о дедовщине в российской армии. Она писала о ветеранах, об инвалидах войны, солдатах, пострадавших в Чеченской Войне, ставшие инвалидами. По возвращению в Россию они стали никому не нужны. Их не берут на работу, никто не занимается их реабилитацией, государство элементарно не дает деньги на протезы. Государство использовало их как пушечное мясо, а потом вышвырнуло и забыло.

Путин в Германии сказал, что она не была влиятельной и не была известной. Политковская вызывала много ненависти в официальных структурах российской Федерации. По ее публикациям и материалам было заведено 39 уголовных дел, что является на сегодняшний день огромным количеством. Поверьте, надо быть очень влиятельным человеком, чтобы заставить эту головную машину завести против тебя 39 уголовных дел.

vsvet (ansTageslicht.de): На Ваш взгляд, была ли Политковская примером для подражания в журналистских кругах? Образцовой журналисткой?

То, что она была образцом для подражания, совершенно очевидно. С приходом Путина к власти российские СМИ частично и полностью самоцензурировались, но Анна была одним из тех немногих журналистов, которую ничего не останавливало. Там, где большинство сдалось, не захотело рисковать работой, достатком или, в конце концов, собственной жизнью, она продолжала писать.

Тем, что Политковская являлась примером для подражания можно судить по откликам и почте в редакции Новой Газеты, по наградам, которые она получала в профессиональных кругах. Анна Политковская является лауреатом премии Союза журналистов России, она - лауреат премии Сахарова. Все эти премии учреждают и присуждают ее коллеги.

И если многие из ее коллег не могли сами делать то, что она делала, то, в любом случае, они ее поддерживали, восхищались ее смелостью и мужеством.

vsvet (ansTageslicht.de): Известно ли Вам что-либо о состоянии расследования, которое Новая Газета проводила самостоятельно? Следите ли Вы отсюда за общим расследованием дела убийства Политковской?

Конечно, я слежу за ее делом. Но дело в том, что в западной и российской прессе было уже несколько спекулятивных и провокационных публикаций на эту тему. Несколько месяцев назад газета Комсомольская Правда написала о том, что через спутник вычислили номер машин. Двое чеченцев арестованы и сидят в тюрьме. Редакция Новой Газеты незамедлительно опровергла эту версию.

Позиция редакции НГ состоит в том, чтобы не рассказывать подробности. Следственная бригада, которая работает по этому делу, состоит из профессионалов, которые действительно хотят расследовать дело и прийти к результату, вычислить и убийц и заказчиков. Но любая публикация на эту тему только мешает следствию работать.

Что касается собственного расследования Новой Газеты, то, насколько я знаю, информацией, которой обладает НГ, журналисты делятся со следствием и наоборот. Отрабатываются две основных версии, но никаких подробностей по ходу этого расследования не сообщается.

vsvet (ansTageslicht.de): Верите ли Вы в то, что преступник будет найден или же с делом обойдутся также, как с десятками дел других журналистов?

Я честно Вам скажу, что я в это не верю. Я верю, что когда-нибудь это дело будет раскрыто, конечно, но не скоро, не сейчас. Сейчас я высказываю мнение не Новой Газеты, а мое личное.

vsvet (ansTageslicht.de): Вы пишете книгу о Чечне, книгу воспоминаний. Какие события будут охватывать ваша книга? Вторая Чеченская война?

Да, в основном книга о событиях Второй Чеченской Войны, но это в основном события, в которых я сама участвовала. Это больше не репортерская книга, а сборник эссе. Она построена на моих воспоминаниях о людях, которых я любила и знала, которые были убиты в эту войну или бесследно пропали. Это рассказы о том, как война все время повторяется в Чечне, проходит через все поколения.

vsvet (ansTageslicht.de): Где будет издана ваша книга? В России, Германии? Какому читателю она будет доступна?

Я думаю, в Германии. Но пока вопрос с ее изданием открыт. В России в ближайшее время скорее нет. Во-первых, из-за безопасности близких мне людей. Проблема в том, что карательные органы бьют, как правило, по близким тебе людям, по самому больному.

vsvet (ansTageslicht.de): Мечтали ли Вы, будучи студенткой журфака, писать о чем-то другом, мирном и бытовом? Например, о культуре, политике, экономике или же искусстве?

Совершенно нет. Я в журналистике с 16 лет, буквально после школы. Я писала о музыке, о роке, была музыкальным обозревателем в чеченской молодежной газете. На телевидении,

например, у меня была авторская передача «Слово», в которой я беседовала о литературе с людьми искусства, писателями, художниками. И конечно я не собиралась становиться военным корреспондентом. Я вообще мечтала в жизни о двух вещах: быть писателем и путешествовать по миру. Но когда началась война, и ты как человек пишущий, журналист, молчишь, то это уже вопрос совести. Т.е. военной журналистикой я стала заниматься волею судьбы.

vsvet (ansTageslicht.de): Планируете ли Вы когда-либо писать о чем-то другом, а не о военных действиях?

Вы знаете, я думаю, что это уже невозможно. О чем бы я не писала, даже если о любви, это все равно о войне. После того, как я покинула Чечню, то в первое время война и эти ужасы мне совершенно не снились. Но чем больше времени проходит, то тем чаще ужасы возвращаются ко мне во снах, и от этого невозможно избавиться. Это навсегда, мне так кажется.

vsvet (ansTageslicht.de): Можно ли назвать ситуацию в Чечне сейчас мирной?

Конечно, это не мир. Войны в том смысле, в котором мы привыкли ее видеть вначале с бомбежками, со сжиганием сел, со страшными перекатами артиллерийских установок ГРАД, Ураган, уже нет. Она просто приняла другую форму, более изощренную, более извращенную. Т.е. это война посредством тотального насилия и порожденная этим насилием страха. Люди годами живут в условиях насилия и в условиях своего абсолютного бесправия. Они парализованы страхом и уже не хотят ничего, кроме того, чтобы их оставили в покое, чтобы на голову не падали бомбы.

(EP)